

В этот момент на стороне Ци Цзюя Сильин медленно пришла в себя. Поняв, что лежит на руках у мальчика, она тут же забилась и попыталась вырваться. Мальчик не уследил, и Сильин удалось освободиться. Вырвавшись из пнона, она поспешно бросилась назад, но мальчик преградил ей путь.

— Пусти!

— Брось это дело. Какой толк возвращаться туда сейчас? Ты лишь пустишь прахом все её старания. Уж лучше уйти отсюда и жить дальше.

— Она — моя единственная родня! Если её не станет, я лучше умру! — взвизгнула в ответ мальчику Сильин.

Мальчик словно опешил. Помолчав и глядя на Сильин, он затем указал на полосу леса:

— Я знаю, что мне тебя не удержать. Хочешь вернуться — возвращайся. Но перед тем как идти назад, можешь сходить туда: я похоронил твоих друзей в той стороне.

Сказав это, мальчик ушел, а Сильин, проводив его взглядом, тоже двинулась в путь.

Следуя в указанном мальчиком направлении, Сильин преодолела бурю и метель и оказалась в еловой роще. Здесь ветер и снег наконец-то немного утихли.

Сильин поплотнее запахнула пальто, отданное ей мальчиком, и растёрла уже окоченевшее лицо.

— Значит, это место, где похоронили Беллу и остальных. Судя по его словам, он закопал их в самом центре леса, если идти всё время вглубь, то скоро доберусь.

Сильин с трудом зашагала в глубь леса. Из-за глубокого, по самые щиколотки, снега ей приходилось тратить на каждый шаг гораздо больше сил, чем обычно.

Но, к счастью, за время пребывания в лаборатории Энергия Хонкая, которую ей ввели, хоть и причиняла невыносимые муки, но также подняла прочность её тела до нечеловеческого уровня. Обычная девочка в такой ситуации уже давно бы задыхалась от усталости, но Сильин — если взглянуть со стороны — лишь слегка вспотела.

По мере того как Сильин продвигалась всё дальше, деревьев становилось всё больше, а идти — всё труднее. Однако всё это было мелочи: главное, Сильин не покидало ощущение, что кто-то за ней следит. Каждый раз, оборачиваясь, она, правда, ничего не видела, но, несмотря на пустые оглядки, продолжала сохранять бдительность.

Углубившись в чащу, она наконец увидела могилы Беллы и остальных: на четырех небольших холмиках торчали четыре крестообразно связанные ветки. Увидев это, Сильин взволнованно бросилась вперед. Но не успела она пробежать и половины пути, как из придорожных кустов внезапно выскочила белая тень. Хотя Сильин среагировала мгновенно и попыталась увернуться, рука все же оказалась распоротой.

Сильин быстро вскочила на ноги и посмотрела туда, где остановилась тень: там, застряв в развилке дерева, замерло чудовище, похожее на оленя. Но зверем оно определенно не являлось.

Его нижняя половина уже стала мертвенно-белой, и по ней змеились бело-фиолетовые полосы — точь-в-точь как у тех огромных чудищ, которых стражники выпускали ранее.

В передней же половине еще угадывались очертания оленя, но шипы на голове и шее красноречиво говорили Сильин, что трансформация этого зверя уже подходит к концу.

Олень выдернул застрявшие рога, тряхнул головой и снова уставился на Сильин. Сама она не смела делать резких движений и просто смотрела на зверя. Внезапно олень атаковал первым: опустив голову, он бросился на Сильин, выставив вперед ветвистые рога.

Сильин, не сводившая с него глаз, была готова к этому заранее. Сделав резкий выпад в сторону, она идеально уклонилась от удара и одновременно саданула кулаком прямо по корпусу чудовища, отправив его в полет.

Увидев, что олень рухнул на землю и лежит ни жив ни мертв, Сильин на всякий случай скатала снежок и швырнула в него. Убедившись, что зверь по-прежнему не реагирует, она прижала рукой раненое плечо и зашагала прочь.

Но стоило Сильин только отвернуться, как распростертый на земле олень резко вскочил и кинулся на нее. Услышав шум, Сильин мгновенно пришла в себя и попыталась уклониться.

Однако было очевидно, что олень перехитрил ее: времени на уклонение уже не оставалось, и рога насквозь пронзили ее тело. Олень приподнял Сильин на воздух, а затем, тряхнув головой, швырнул ее прочь.

Сильин, словно сломанная тряпичная кукла, рухнула на землю. Она чувствовала, как уходит жизнь, но никакого страха не испытывала — в конце концов, после всего пережитого разве осталось в этом мире хоть что-то, за что имело бы смысл цепляться?